ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В ФОКУСЕ СТАНОВЛЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ГОСУДАРСТВА: ВЫЗОВЫ «НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ»

ЧЕРНОГОР Николай Николаевич, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

КАШЕВАРОВА Юлия Николаевна, заведующая учебно-образовательным центром Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

ГОЛОВИНА Анна Александровна, научный сотрудник отдела теории законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

СТРАТЮК Анастасия Альбертовна, магистрант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34

E-mail: school@izak.ru

Современная информационная революция стала важнейшей предпосылкой формирования нового правового порядка — «новой реальности», одной из характерных черт которой является становление электронного государства. Вызовы «новой реальности» актуализируют задачу научного поиска адекватных ответов, в том числе средств, методов и технологий правового регулирования формируемых ею общественных отношений. Попытка осуществить этот поиск была предпринята участниками XI Международной школы-практикума молодых ученых-юристов «Эффективное правоприменение: доктрина и практика», прошедшей в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации 26—27 мая 2016 г. Одна из секций Школы была посвящена теме «Правоприменение в фокусе становления электронного государства». В статье представлен обзор дискуссии, прошедшей в рамках секции, и подведены ее некоторые итоги.

Ключевые слова: информационное общество, информационное право, информационные технологии, криптовалюта, правоприменение, электронная демократия, электронное государство, электронное правительство, электронное правосудие, электронный парламент.

LAW ENFORCEMENT AS THE CENTRAL POINT IN ESTABLISHING AN ELECTRONIC STATE: CHALLENGES OF “NEW REALITIES”

N. N. CHERNOGOR, head of the chair of state and law disciplines of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, doctor of legal sciences, professor

Yu. N. KASHEVAROVA, head of the educational center of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, candidate of legal sciences

A. A. GOLOVINA, research fellow of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, candidate of legal sciences

A. A. STRATYUK, undergraduate student of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218

E-mail: school@izak.ru

The currently ongoing information revolution has become one of the most significant prerequisites for the formation of a new legal order — “new realities”, characterized by the formation of “electronic state”. The challenges of this “new reality” make search for science-based solutions ever more topical, including the means and methods and technologies for legal regulation with regard to public relationships. An attempt to look for said mechanisms was undertaken by the participants of the XI International School for young scholars — jurists “Effective law enforcement: doctrine and practice”. It was held at the Institute of Legislation and Comparative law under the Government of the Russian Federation on May 27, 2016. One of the sections of said School was dedicated to “Law enforcement in the light of formation of electronic state”. The article contains summary of the discussions and the outcomes.

Keywords: information society, information law, information technologies, crypto currency, law enforcement, electronic democracy, electronic state, electronic government, electronic justice, electronic parliament.

DOI: 10.12737/21265

Современные ученые и государственные деятели все чаще говорят о том, что мир, охваченный глобальной экономической и геополитической турбулентностью, вступил в полосу так называемой новой реальности. Например, в октябре 2015 г. Председатель Правительства РФ Д. А. Медведев в концептуальной статье «Новая реальность: Россия и глобальные вызовы» отметил: «При обсуждении текущих и перспективных проблем глобального развития все чаще стал использоваться термин *newnormal*. Он появился пять лет назад, после окончания острой фазы глобального кризиса, и быстро завоевал популярность. *Newnormal* — «новая нормальность», что, пожалуй, можно перевести и как «новая реальность». Это те ключевые характеристики, которые будут определять развитие глобальной экономики на протяжении предстоящего периода — по сути, до следующего крупного, структурного кризиса. ...Поначалу воспринимавшийся как термин чисто экономический и применимый к развитым странам, *newnormal* покрывает теперь глобальное пространство (как развитые, как и ведущие развивающиеся страны), а также несет политическое, социальное и даже идеологическое содержание»¹.

Неотъемлемым элементом всех этих изменений, фоном, который их сопровождает, являются изменения в области информационных технологий. Правовая наука, законотворчество и сфера правоприменения не могут не реагировать на них, отвечая на вызовы времени появлением новых концепций, меняющих уже не только форму, но и суть многих юридических процессов — это концепции «электронного государства», «электронного правительства», «электронного правосудия» (а вслед за ними — «электронного региона», «электронного муниципалитета» и т. д.).

Вместе с выгодами и преимуществами, которые особенно ценны в условиях небывалого ускорения всех общественных процессов и перманентной нехватки времени, «сжимающегося», подобно шагреновой коже, глобальная информатизация государства и общества являет нам и обратную сторону медали. Информационное оружие, сетевые, информационные и кибервойны, воспринимавшиеся в недавнем прошлом чуть ли не как атрибуты литературного жанра научной фантастики, сегодня с неопровержимой очевидностью становятся элементом той самой «новой реальности», которую можно игнорировать, но которая неизбежно влияет на сознание каждого из нас. И вот уже ученые указывают на то, что «национальная безопасность Российской Федерации существенным образом зависит от обеспечения информационной безопасности. Практически все страны с развитой экономикой на уровне государственных органов, предпринимательских структур разрабаты-

ют и применяют комплексные меры, направленные на обеспечение информационной безопасности. При этом наряду с обеспечением собственной информационной безопасности многие страны, а также радикальные политические структуры ведут проработку сценариев информационных войн², имеются факты применения информационного оружия. По различным данным, информационное оружие разрабатывают более 120 стран»³.

Современные информационные технологии осуществляют мощное воздействие на сознание людей. Аналитики Изборского клуба, например, отмечают, что «информационные войны — это контентные войны, имеющие своей целью изменение массового, группового и индивидуального сознания. В процессе информационных войн идет борьба за умы, ценности, установки, поведенческие паттерны и т. п. Информационные войны велись задолго до Интернета, насчитывают историю, измеряемую даже не сотнями, а тысячами лет. Интернет просто перевел эти войны на качественно иной уровень интенсивности, масштабы и эффективности»⁴. Широко используются в рамках информационных войн так называемые технологии «*high-hume*» — технологии, направленные, в отличие от «*high-ec*» и «*high-tech*», не на изменение окружающей среды или техносферы, а на изменение «живого», «дышащего» человеческого сознания⁵. Такие технологии позволяют добиться желаемого намного менее затратным способом, чем прямое воздействие.

В связи с этим Е. К. Матевосова пишет: «Возрастание роли социальных сетей в жизни современного общества как следствие революции техники, приведшей к ее тирании, отражается и на информационной безопасности государства в условиях обособления и самоорганизации виртуального пространства. На

² В США действует лозунг: «Информационная война никем не объявляется, никогда не прекращается, ведется скрытно и не знает границ в пространстве и времени».

³ Научные концепции развития российского законодательства: монография. 7-е изд. / С. Е. Нарышкин, Т. Я. Хабриева, А. И. Абрамова и др.; отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., 2015. С. 237 (автор главы — Л. К. Терещенко).

⁴ Ларина Е., Овчинский В. Цифровые войны XXI века (экспертный доклад) // Изборский клуб. 2013. № 10. С. 70.

⁵ Более подробно см.: Делягин М. Это русское слово «*High-Hume*» // Изборский клуб. 2015. № 5. С. 78—87. По мнению исследователя, важнейшим из ресурсов становятся не технологии и тем более не деньги, а люди. При массовом переходе к *high-hum* у потребность в них резко возрастет, так как они являются не ресурсом, но главным объектом применения этих технологий. Не инструментом зарабатывания прибыли, как в индустриальную эпоху, а полем, из которого извлекается результат (С. 80).

¹ Медведев Д. А. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. 2015. № 10. С. 8.

смену «эффекту бабочки» сегодня приходит «эффект твитта». Так, всего один виртуальный «щебет» добросовестно заблуждающегося либо искусно кем-то взломанного пользователя глобальной сети Интернет, независимо от содержания и объема транслируемой информации, способен вызвать, помимо оживленного читательского интереса, экономический кризис, гражданскую войну или международный вооруженный конфликт»⁶.

Еще один вызов «новой реальности» — своего рода «удвоение» всех сфер общественной жизни. Социальное общение происходит не только в «нормальной», но и в виртуальной реальности, трудовая деятельность осуществляется как в помещении работодателя, так и в дистанционном режиме («фрилансеры»), экономические процессы происходят параллельно «в реале» и в сети Интернет (торговля через интернет-сайты, электронные аукционы и т. п.), денежные расчеты осуществляются наличными и посредством «электронных кошельков», даже рядом с национальными валютами появляются различного рода «виртуальные криптовалюты», такие как пресловутый биткойн, неизвестно кем изобретенные и «живущие по собственным правилам».

Эти и иные вызовы «новой реальности» не могут не привлекать внимание ученых-юристов и специалистов-практиков, которые ищут актуальные ответы на них. Жаркие дискуссии по данной проблематике состоялись и на **XI Международной школе-практикуме молодых ученых-юристов «Эффективное правоприменение: доктрина и практика»**, прошедшей в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ 26—27 мая 2016 г. В рамках конференции одна из секций была посвящена теме «Правоприменение в фокусе становления электронного государства». Секция и поднимавшиеся на ней актуальные проблемы развития электронного государства вызвали большой интерес как среди молодых ученых — участников школы (студентов, аспирантов), так и среди их старших коллег — кандидатов и докторов наук.

Заседание секции открыл модератор дискуссии — заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин ИГиСП доктор юридических наук, профессор *Н. Н. Черногор*. В своем выступлении он отметил, что современная информационная революция стала важнейшей предпосылкой формирования нового правового порядка. Широкомасштабное внедрение в различные сферы жизни общества электронно-вычислительной техники, информационных систем и информационно-коммуникационных технологий

повлекло существенные изменения социальной и институциональной основ существовавшего правового порядка, а также форм, методов и технологий публичного управления и реализации права.

Современное общество характеризуется сочетанием элементов «традиционного аграрного общества», «гражданского общества индустриального периода» и «информационного (или «сетевого») общества». При этом отчетливо прослеживается тенденция к постепенному преобладанию характеристик последнего. Значительные трансформации претерпевают коммуникации между субъектами права, субъектами и объектами публичного управления, а также механизмы волеобразования и волеизъявления граждан. Такое общество служит социальной основой не только нового правового порядка, но и нового «типа» государства, становление которого происходит в настоящее время. В правовой доктрине его предложено именовать «электронным государством».

«Электронное государство» является результатом социально-экономического и государственно-правового развития общества. Вместе с тем доктринальные представления о нем служат предпосылкой развития одной из парадигм современного общественного и государственного развития, обобщающей концепции: «электронное правительство»; «электронный парламент»; «электронное правосудие»; «электронный суд» и др. Данная парадигма отражает объективные закономерности и тенденции государственно-правового развития, в том числе определяет роль и место самого государства в электронной среде.

Государственно-правовые трансформации протекают не только в пределах отдельных национальных правовых систем. Они характеризуют вектор развития межгосударственной интеграции, в частности, в формате международных организаций, таких как «Открытое правительство» (Open Government Partnership, OGP).

В России такого рода трансформации затрагивают все ветви государственной (законодательную, исполнительную и судебную) и уровни публичной власти (федеральный, региональный и местный). Формируется «электронный парламент», функционирует «электронное правительство», «электронное правосудие» и др. В субъектах РФ реализуется концепция «электронный регион», а в муниципальных образованиях — «электронный муниципалитет». Внедрение этих и других систем в сферу публичного управления оказывает существенное влияние на сферу реализации права и в том числе правоприменения.

Изменение форм, методов, технологии и моделей правоприменения в процессе становления электронного государства актуализирует целый ряд научных задач, среди которых не последнее место занимают такие, как: разработка новых подходов к правово-

⁶ Матевосова Е. К. Информационная безопасность в условиях глобализации // ГЛОБАЛИСТИКА-2013: материалы III Международного научного конгресса; Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 23—25 октября 2013 г.: тезисы докладов. М., 2013. С. 270—273.

му регулированию, адекватных современным реалиям, позволяющим осуществлять эффективное и опережающее регулирование общественных отношений; предвидение и нейтрализация рисков, связанных с внедрением информационных технологий в сферу правоприменения; корреляция эффекта от внедрения информационных технологий с юридическими гарантиями прав человека, субъектов экономической деятельности; создание правовых механизмов преодоления практики юрисдикционного доминирования отдельных государств в виртуальной среде; и др.

Не воспроизводя подробно содержание выступлений каждого докладчика, выделим основные «сюжеты», которые так или иначе были затронуты многими выступающими и вызвали наиболее оживленные дискуссии.

1. Совершенствование информационного законодательства. Многие из участников дискуссии сошлись в том, что действующее информационное законодательство не отвечает в полной мере потребностям развития отношений в данной области и его необходимо совершенствовать, причем не «точечно», а концептуально. Так, младший научный сотрудник ИЗиСП А. В. Григорьев в докладе на тему «Некоторые правовые проблемы реализации принципов электронного государства в Российской Федерации» отметил, что, хотя в России уже сформирован определенный правовой инструментарий в сфере электронного государства, во многом наша страна отстает еще от своих ближних и дальних соседей. В частности, в Российской Федерации не существует даже проекта федерального закона, который четко определил бы основной инструментарий и терминологию электронного государства. Например, необходимо определиться, как непосредственно понимать английский термин «government». На взгляд практически всех авторитетных исследователей, данное слово все-таки означает «правительство». Но, как отметил далее автор доклада, мы не можем сегодня понимать электронное государство только как электронное правительство, поскольку кроме него есть еще целый «пласт» других отношений, в частности это касается электронного парламента, электронного правосудия и различных общественных инициатив, т. е. инициатив гражданского общества.

Также докладчик подчеркнул, что в данном федеральном законе, в случае его разработки, необходимо думать и о регионах, об их информационном неравенстве, необходимо предусмотреть общие принципы организации электронного правительства в субъектах Российской Федерации. При этом ситуация не должна напоминать пирамиду «сверху вниз», начать необходимо прежде всего с электронного муниципалитета, с гражданских инициатив. Сегодня, без сомнения, произошла революция, сопоставимая с книжной революцией Гуттенберга.

Сейчас каждый человек имеет неограниченный доступ к информации. Однако задача власти и юридического сообщества состоит в том, чтобы максимально подключить людей к процессу обмена информацией, обмена опытом.

Модератор дискуссии Н. Н. Черногор в связи с этим поставил на обсуждение вопрос о своевременности подготовки упомянутого законопроекта в условиях, когда ученые еще не определились с терминологией и понятийным аппаратом. Вместе с этим он высказал предположение о том, что как раз по этой причине и необходимо принять такой закон, который, кроме прочего, упорядочил бы соответствующую терминологию.

В пользу принятия подобного федерального закона высказалась и другая участница дискуссии — доцент кафедры конституционного и административного права Алтайской академии экономики и права кандидат юридических наук, доцент Е. А. Казьмина, выступившая с докладом «Конституционно-правовые основы развития электронного правительства в Российской Федерации». При этом выступающая подчеркнула, что концепция этого закона должна быть основана на принципах конституционного права. Информационные отношения, несмотря на то что выделяются в самостоятельную отрасль права, прежде всего являются предметом регулирования конституционного права. Информационные технологии лишь модернизируют конституционные отношения. Нельзя умалять значение Конституции Российской Федерации, и не только ее ст. 29, но и ст. 1, 3, всего «духа», смысла конституционно-правовых норм. Ошибка — отделять электронное правительство от электронной демократии.

Соглашаясь с мнением Е. А. Казьминой, хотелось бы отметить, что электронное правительство — не только набор определенных услуг, но и новый вид диалога между властью и обществом, основанный на принципах открытости, оперативности, доступности. Однако нельзя не обратить внимание на проблему с доступностью. Российская Федерация — страна с огромной территорией и, к сожалению, далеко не во всех субъектах страны граждане имеют одинаковую возможность взаимодействовать при помощи электронного правительства и выходить в сеть Интернет. По данным TNS WebIndex, по-прежнему больше половины пользователей Интернета в России — это люди в возрасте до 35 лет⁷, следовательно, старшее население страны испытывает трудности или вовсе не пользуется сетью Интернет, а значит, и системой электронного правительства в качестве диалога с органами власти. Тем не менее, согласно дан-

⁷ Исследование «Яндекс» «Развитие Интернета в регионах России», весна 2015 г. URL: https://yandex.ru/company/researches/2015/ya_internet_regions_2015/#osnovnyecifryifakty (дата обращения: 20.06.2016).

ным того же опроса, доля пользователей старшей возрастной группы растет год от года, при этом, по данным Internet World Stats, уровень проникновения Интернета в России самый высокий в СНГ и БРИКС, но ниже, чем в других странах «Большой восьмерки» и странах Балтии⁸.

В процессе обсуждения докладов доктор юридических наук, заведующая сектором информационного права Института государства и права Российской академии наук *Т. А. Полякова* высказала мнение о том, что в конечном счете мы, вероятно, придем к регулированию в Интернете. Не случайно приняты Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 г.⁹ Сегодня уже и на уровне ООН разрабатываются универсальные документы в этой сфере. Но что такое с правовой точки зрения Интернет? Участники дискуссии еще не пришли к какому-либо конкретному решению. Регулирование здесь, безусловно, необходимо, хотя выбрать площадку для такого регулирования достаточно непросто.

Заметим, что время от времени появляются предложения разработать некий международный документ, регулирующий отношения в сфере сети Интернет. В качестве примеров можно назвать предложение основателя сети Интернет Тима Бернерса-Ли разработать Magna Carta «Web We Want» (Великую Хартию Вольностей Сети) в целях защиты прав и свобод его пользователей и гарантии независимости от национальных властных структур и международных организаций¹⁰ или «попытку перекраивания глобальной модели управления Сетью, предпринятую Россией, Китаем и Ираном на Всемирной конференции по международной электросвязи (ВКМЭ), проведенной Международным союзом электросвязи в Дубае в декабре 2012 г.»¹¹.

Признавая значимость международных инициатив в данной сфере, следует признать, что приоритетной, безотлагательной задачей, учитывая напряженность геополитической и экономической ситуации в настоящее время, является обеспечение суверенитета и национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере, разработка инструментов регулирования и противодействия угрозам в сфере национального сегмента сети Интернет.

Это тем более важно, так как по оценкам экспертов, «на сегодняшний день Интернет управляется организацией ICANN, фактически подконтрольной

США и ее ближайшим союзникам. Важно, что регулирование осуществляется в рамках парадигмы «один мир — один Интернет». При таком подходе вообще невозможны какие-либо привычные в военном праве межгосударственные соглашения. Дело в том, что ICANN отрицает право государств так или иначе регулировать соответствующие отношения, а значит, и нести ответственность за тот или иной сегмент Интернета»¹².

Напомним, что согласно упомянутым выше Основам государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2010 г. одной из задач государственной политики Российской Федерации является «создание условий для обеспечения технологического суверенитета государств в области информационных и коммуникационных технологий и преодоления информационного неравенства между развитыми и развивающимися странами» (подп. «е» п. 10).

Однако, устанавливая в той или иной мере государственное регулирование отношений в области сети Интернет, государство неизбежно сталкивается с необходимостью обеспечения баланса публичных и частных интересов в данной сфере (а именно, интересов безопасности общества, с одной стороны, и свободы слова, свободы массовой информации, с другой). Тем не менее, как следует из ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Найти разумный предел такого ограничения — задача сложная, но решать ее необходимо «уже вчера», учитывая, что развитие информационных технологий и так обгоняет развитие правовых основ в данной сфере. Уклоняться от решения этой задачи государство не может, учитывая, что сильное суверенное государство является на сегодняшний день одним из наиболее эффективных инструментов защиты гражданского общества от вполне реальных, «стоящих на пороге» угроз — терроризма, экстремизма, глобальных экономических и социокультурных кризисов и иных, которые в процессе своей экспансии активно эксплуатируют неисчерпаемые возможности сети Интернет.

2. Использование информационных технологий в деятельности государства (при закупках для государственных нужд, при осуществлении электронного правосудия). С докладом на тему «Использование информационных технологий при осуществлении закупок для государственных и муниципальных нужд (российский и зарубежный опыт)»

⁸ Исследование «Яндекс» «Развитие Интернета в регионах России», весна 2015 г. URL: https://yandex.ru/company/researches/2015/ya_internet_regions_2015/#osnovnyecifryifakty (дата обращения: 20.06.2016).

⁹ Утв. Президентом РФ 24 июля 2013 г. № Пр-1753.

¹⁰ Цит. по: Матевосова Е. К. Указ. соч.

¹¹ Ларина Е., Овчинский В. Цифровые войны XXI века (экспертный доклад) // Изборский клуб. 2013. № 10. С. 77.

¹² Ларина Е., Овчинский В. Указ. соч. С. 73.

выступила магистр права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета *А. П. Белова*. Она отметила, что электронные технологии проникли во все сферы жизни общества, не стала исключением и сфера государственных закупок, причем как на территории Российской Федерации, так и на международном уровне.

За последние годы сфера государственных закупок претерпела кардинальные изменения, с 1 января 2015 г. вступил в силу Договор о Евразийском экономическом союзе¹³, в результате чего впервые сфера государственных закупок начала регулироваться не только на внутригосударственном уровне, но и на уровне наднационального регулирования. В части 1 ст. 23 Договора закрепляется, что «в целях информационного обеспечения интеграционных процессов во всех сферах, затрагивающих функционирование Союза, разрабатываются и реализуются мероприятия, направленные на обеспечение информационного взаимодействия с использованием информационно-коммуникационных технологий и трансграничного пространства доверия в рамках Союза».

Дополняя выступающего, хотелось бы отметить, что в рамках Договора также принят Протокол № 3 «Об информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии в рамках Евразийского экономического союза», что свидетельствует о роли технологий и их значимости в современном мире и праве. Также в Российской Федерации принят Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», который закрепил такие принципы, как открытость и прозрачность, обеспечение конкуренции, стимулирование инноваций и другие (ст. 6). *А. П. Белова* в докладе отметила, что полностью перейти на электронный оборот государственных закупок пока не является возможным, однако над этим ведется большая работа, и уже в ст. 59 указанного Федерального закона закреплено такое понятие, как аукцион в электронной форме (электронный аукцион), а также обязанность заказчика проводить электронный аукцион в случае, если осуществляются закупки товаров, работ, услуг, включенных в перечень, установленный Правительством РФ, либо в дополнительный перечень, установленный высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения нужд субъекта РФ, за исключением случаев закупок товаров, работ, услуг путем проведения запроса котировок, запроса предложений, осуществления закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя).

Возвращаясь к Договору о Евразийском экономическом союзе, отметим, что приложение № 25 к нему

(«Протокол о порядке регулирования закупок») регулирует именно сферу закупок, и, закрепляя требования к организации и проведению конкурса, запроса ценовых предложений (запроса котировок), запроса предложений, аукциона и закупки из одного источника либо у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика) устанавливает, что конкурс проводится в электронном формате, предусматривающем в том числе подачу заявок на участие в конкурсе в форме электронного документа¹⁴.

Судья Арбитражного суда г. Москвы кандидат юридических наук *Е. Р. Абызова* в своем докладе более подробно остановилась на том, что такое электронное государство, как оно соотносится с информационным обществом, каково соотношение с электронным правосудием и какие шаги сегодня сделаны в данном направлении. По мнению выступающей, институциональная основа формирования правопорядка в информационном обществе представлена комплексом как правовых, так и государственных институтов, а также институтов гражданского общества, обеспечивающих состояние упорядоченности общественных отношений, реализующихся с использованием электронно-вычислительной техники, информационных систем и информационно-коммуникационных технологий¹⁵. Соответственно, совокупность данных институтов в настоящее время нами воспринимается как такое понятие, как электронное государство. Как таковое это понятие сегодня не определено на законодательном уровне. Интересно, что в данном случае именно государство выступает в качестве одного из основных потребителей электронно-вычислительной техники, информационных систем, информационно-коммуникативных технологий. Достаточно активно применяются информационные технологии в системе арбитражных судов. Выступающая высказала точку зрения, что как полноценный институт электронное правосудие на сегодняшний день еще не состоялось¹⁶, но делаются определенные, достаточно серьезные шаги, например, в сфере электронного документооборота (в рамках системы арбитражных судов).

В развитие темы электронного правосудия выступила модератор секции, судья Арбитражного суда г. Москвы *О. Ю. Жежелевская*. Она обратила внимание на проявляющиеся закономерности влияния электронного правосудия на реализацию принципов

¹⁴ См. пункт 1 приложения № 1 к Протоколу о порядке регулирования закупок.

¹⁵ См.: *Абызова Е. Р.* «Электронное государство» как институциональная основа правопорядка в информационном обществе // Алтайский юридический вестник. 2016. № 3. С. 32—37.

¹⁶ См.: *Жданова Ю. А.* Правовая природа электронного правосудия и его место в системе институтов информационного общества // Административное право и процесс. 2015. № 4. С. 80—83.

¹³ Подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.

арбитражного процесса в ходе рассмотрения и разрешения конкретных дел и актуальность научных исследований этих закономерностей.

3. Взаимоотношение государства и личности в современном информационном обществе. Студент Международного юридического института *Н. А. Демин* выступил с докладом на тему «Правовой нигилизм в российском сегменте сети Интернет». По мнению докладчика, самым результативным показателем нигилизма в Сети является использование населением различных способов анонимизации — специальных программ, анонимайзеров. С ноября 2012 г. показатель увеличился вдвое — сейчас почти 200 тыс. человек пользуются различного рода анонимайзерами. Этот факт свидетельствует о том, что доверие граждан текущей сетевой политике государства стремительно снижается. Это создает угрозу для правоприменительной деятельности. Народ уходит, условно говоря, в «интернет-подполье».

4. Виртуальные криптовалюты. Большой интерес у участников дискуссии вызвала проблематика виртуальных криптовалют. В докладе на тему «Криптовалюта: proetcontra» младший научный сотрудник отдела имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации ИЗиСП *Ю. Э. Ибрагимова* отметила, что сегодня активно развивается технология «блокчейн» и один из его продуктов — виртуальная криптовалюта «биткойн» (или «биткоин»), который находится вне права. С каждым годом эта тема все более популярна, уже более 200 тыс. россиян успели воспользоваться данной криптовалютой. Однако возникает вопрос — законно ли это? Минфин России внес в Правительство РФ проект закона об ответственности за использование денежных суррогатов, запрещающий биткойн под угрозой уголовного наказания — до семи лет лишения свободы за сбыт этой валюты.

Выступающая подчеркнула, что ключевая функция денег — расчетная. Криптовалюта — это цифровая виртуальная валюта, единицей которой является монета. Она защищена от подделки, поскольку представляет собой защищенную информацию, которую невозможно подделать. Она отличается от обычных денег в электронном виде тем, что последние должны быть сначала внесены на счет (через банк или через банкомат), а криптовалюта эмитируется непосредственно в Сети и не связана с обычной валютой или государственной валютной системой. Эмиссию осуществляет компьютерный алгоритм. Блокчейн — распределенная база данных (блоков), которые хранят в себе информацию об операциях этой системы, и каждый раз, когда проводится операция, эта информация записывается в блоки и видна на всех компьютерах участников биткойн.

Большой минус подобных операций в том, что их невозможно отменить. Но, по мнению докладчицы,

существует и масса плюсов. Во-первых, это анонимность. Если мы осуществляем транзакцию, не виден ни покупатель, ни продавец, ни предмет. Видна только строчка о том, что транзакция была осуществлена. Во-вторых, биткойн — это альтернатива деньгам. За рубежом уже множество мест, где за биткойн можно приобрести реальные вещи. В-третьих, отсутствие налогов — биткойн не облагается налогом, так как является валютой. В-четвертых, биткойн универсален и не привязан к какой-то национальной валюте. Отсутствие контроля — они не подконтрольны никому, принадлежат только общественности, а значит политически на них трудно воздействовать. Также отсутствует комиссия. Наконец, в-пятых, биткойн невозможно подделать.

По мнению *Ю. Э. Ибрагимовой*, запрещая биткойны в России, «мы навсегда похороним надежду на появление значительного количества инновационных продуктов и услуг. Биткойн также может стать толчком для застывшей экономики». Докладчица отметила, что эта тема достаточно актуальна, но на сегодняшний день нет ни одного диссертационного исследования, которое затрагивает этот вопрос. По ее мнению, это связано с тем, что люди не знают, что такое биткойн. Выступающая привела данные статистики, согласно которым 80% россиян никогда не слышали о том, что такое криптовалюты. Иначе обстоит дело за рубежом: в Германии знают об этом 44%, а в штате Массачусетс больше половины (61%) слышали о биткойн и другой электронной валюте.

Государство намерено просто запретить криптовалюту в России. По мнению докладчицы, это неправильно. Отношения, связанные с ее обращением, нужно регулировать. Для иллюстрации этого тезиса *Ю. Э. Ибрагимова* привела ряд примеров. Так, в Аргентине считают, что биткойн — это актив, и он регулируется актами гражданского законодательства в рамках Гражданского кодекса. В Австралии ведется постоянный мониторинг за криптовалютой и за средствами обмена национальной валюты на биткойны и при помощи этого облагают биткойн налогом. В Дании существует орган, который следит за банкоматами, биржами, где конвертируют валюту, налагают налог на прибыль.

В ходе обсуждения доклада *Т. А. Полякова* отметила, что необходимо учитывать проблемы информационной безопасности, финансирование терроризма, экстерриториальности, так как достоинства криптовалюты могут быть использованы в целях отмывания средств, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и т. п.

Юрисконсульт ООО «Союз М», студентка МГЮА им. О. Е. Кутафина *Л. О. Гонтарь* также возразила докладчице, заявив, что в случае разрешения биткойна возникнет двойной рынок и неустойчивость денежной системы.

Отметим, что в современном общественном обсуждении проблематики криптовалют имеются различные точки зрения. Например, еще в 2013 г. вице-министр финансов Республики Казахстан (должность, занимаемая им на тот момент) Р. Даленов отметил в интервью, что виртуальная криптовалюта Bitcoin может представлять угрозу для финансовой системы Казахстана. В Министерстве финансов Республики Казахстан сообщили, что это средство оплаты не попадает под действие закона Казахстана «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем, и финансированию терроризма»¹⁷.

По мнению Председателя Следственного комитета РФ А. Бастрыкина, «помимо противодействия идеологической составляющей ведущейся против России информационной войны важно активизировать работу по борьбе с финансовой подпиткой этой деятельности, в том числе ужесточить контроль за трансграничным движением капитала. Как показал опыт, в целях финансирования терроризма зачастую используется виртуальная криптовалюта, которая не имеет централизованного эмитента, единого центра контроля за транзакциями и характеризуется анонимностью платежей. Кроме того, в результате широкого распространения эти валюты могут вытеснить с рынка законные деньги, что угрожает финансовой стабильности государства. С учетом этого предлагается ввести уголовную ответственность за незаконный выпуск и оборот криптовалют, а также других денежных суррогатов»¹⁸.

В то же время, выступая на Петербургском международном юридическом форуме-2016, Председатель Правительства РФ Д. А. Медведев высказал точку зрения о том, что «сегодня активно развивается так называемая технология blockchain, так называемые умные контракты. С их помощью формируются, по сути, автономные от государства, саморегулируемые системы, которые начинают жить по своим неписаным законам. Кстати, для правоведов исключительно интересные задачи. Очень часто здесь вообще заканчиваются пределы права. Сделки по передаче имущества, по удостоверению прав на имущество заключаются и исполняются в автоматическом режиме. Взаимодействие в Сети идет не между людьми, а между электронными устройствами. Такие устройства обмениваются данными, осуществляют действия от имени своего владельца. Распространяется так называемый интернет вещей. Эта ситуация, еще раз повто-

рю, требует от всех нас напряжения творческих сил. Совсем не стандартная задача для правоведов — задача поиска новых эффективных решений, которые могут стать основой для образования, по сути, новой области права»¹⁹.

Таким образом, с одной стороны, необходимо очень взвешенно относиться к введению «легальных» криптовалют и иных новых информационных технологий, учитывая риски, которые они несут, в том числе в сфере финансовой безопасности и безопасности государства в целом. Кроме того, следует принимать во внимание, что в условиях кризисных явлений в экономике часть населения может отнестись к введению криптовалют с недоверием, более того, воспринять это как признак нестабильности экономики и государства (учитывая, что даже кредитным картам российское население в значительной своей части не доверяет, предпочитая оплачивать покупки наличными). С другой стороны, технологии в сфере криптовалют нуждаются в тщательном изучении на предмет возможного использования их положительных сторон.

В целом же, применительно к проблематике развития информационных технологий и становления электронного государства в России, стоит заметить, что, как подчеркнул Председатель Правительства РФ Д. А. Медведев, «в периоды структурных кризисов не только возрастает опасность драматически отстать либо увеличить имеющееся отставание. Но одновременно появляется и шанс качественно улучшить свое положение на экономической и политической карте мира. Кризис — это всегда и угроза, и возможность. Если воспользоваться выражением Ли Куан Ю (2013), который привел к успеху Сингапур, прорывы «из третьего мира» происходят, как правило, в условиях структурных кризисов, когда появляется возможность заметить инновации и внедрить их. Причем инновации не только технологические, но и институциональные»²⁰.

Учитывая, что и сегодня Россию вряд ли можно отнести к «третьему миру», перспективы у нее неплохие. Необходимы только консолидированные усилия всего общества. А совершит ли она этот рывок, зависит в том числе и от того, насколько качественно правовая наука, законотворчество и правоприменение будут способствовать инновационным процессам в экономике, обществе и государственном управлении.

Подводя итог общей дискуссии, модератор секции Т. А. Полякова подчеркнула остроту затронутых проблем, важность поиска адекватных ответов и правовых решений в сфере регулирования общественных отношений, развивающихся в «новой реальности».

¹⁷ См. текст интервью, размещенный 9 декабря 2013 г. на казахстанском Интернет-портале: https://tengrinews.kz/private_finance/valyuta-Bitcoin-predstavlyat-ugrozu-finansovoy-sistemyi-246938/. (дата обращения: 20.06.2016).

¹⁸ Бастрыкин А. Пора поставить действенный заслон информационной войне // Журнал «Коммерсант Власть». 2016. 18 апр.

¹⁹ См. текст выступления, размещенный на официальном интернет-сайте ПМЮФ: http://www.spblegalforum.ru/ru/2016_Plenary_Session.

²⁰ Медведев Д. А. Указ. соч. С. 9.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абызова Е. Р. «Электронное государство» как институциональная основа правопорядка в информационном обществе // Алтайский юридический вестник. 2016. № 3.
- Бастрыкин А. Пора поставить действенный заслон информационной войне // Журнал «Коммерсант Власть». 2016. 18 апр.
- Делягин М. Это русское слово "High-Hume" // Изборский клуб. 2015. № 5.
- Жданова Ю. А. Правовая природа электронного правосудия и его место в системе институтов информационного общества // Административное право и процесс. 2015. № 4.
- Исследование «Яндекс» «Развитие Интернета в регионах России», весна 2015 г. URL: https://yandex.ru/company/researches/2015/ya_internet_regions_2015/#osnovnyecifryifakty (дата обращения: 20.06.2016).
- Ларина Е., Овчинский В. Цифровые войны XXI века (экспертный доклад) // Изборский клуб. 2013. № 10.
- Матевосова Е. К. Информационная безопасность в условиях глобализации // ГЛОБАЛИСТИКА-2013: материалы III Международного научного конгресса; Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 23—25 октября 2013 г.: тезисы докладов. М., 2013.
- Медведев Д. А. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. 2015. № 10.
- Научные концепции развития российского законодательства: монография. 7-е изд. / С. Е. Нарышкин, Т. Я. Хабриева, А. И. Абрамова и др.; отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., 2015.